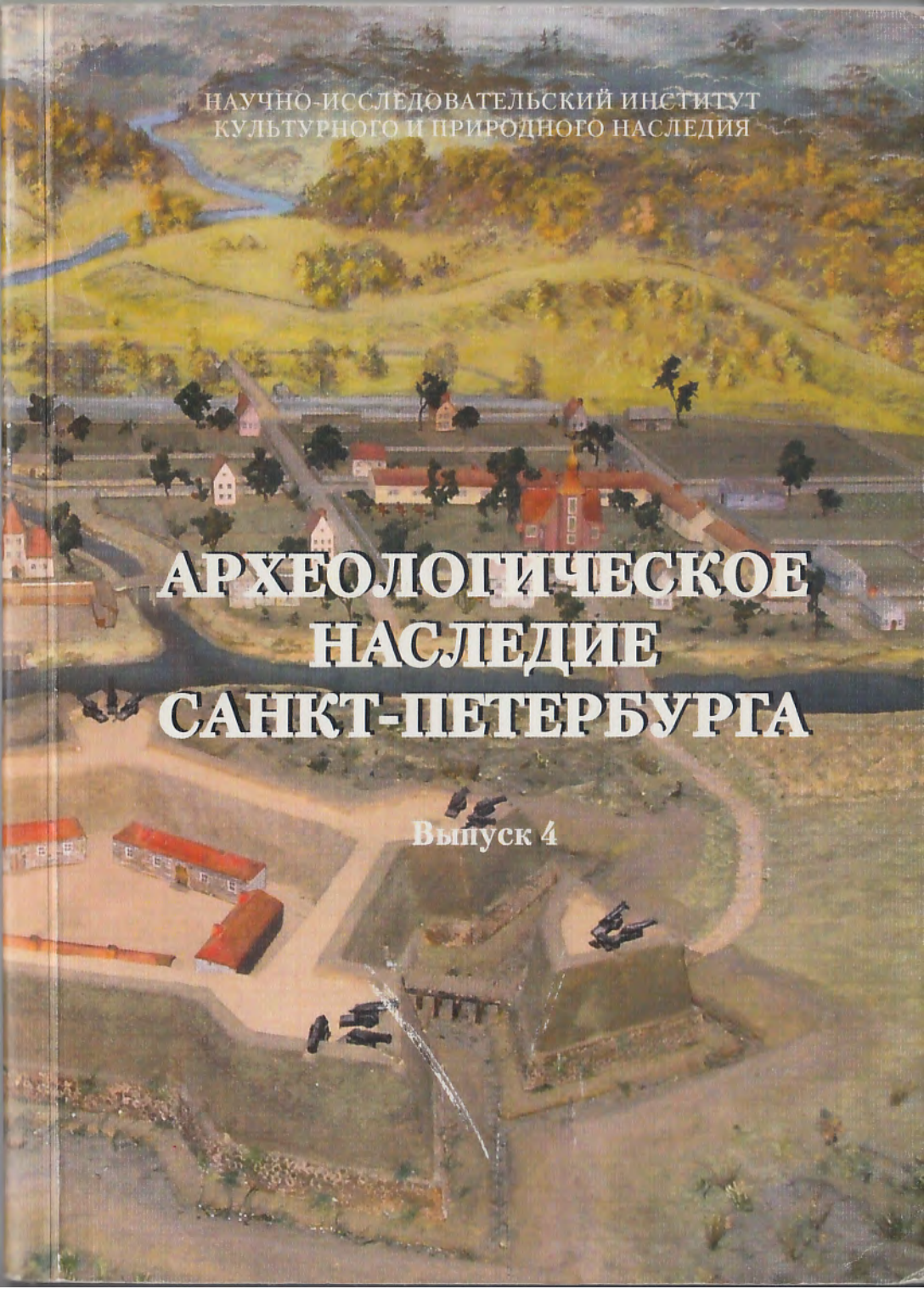
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ



АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск 4

П.Е. Сорокин

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАТИГРАФИЯ ОХТИНСКОГО МЫСА

Археологические исследования Охтинского мыса показали, что это место было обитаемо на протяжении нескольких тысячелетий, а в культурных напластованиях мощностью до пяти метров сохранились объекты и артефакты различных эпох. На основании археологических и письменных источников выделяется несколько периодов освоения территории мыса с древнейших времен до настоящего времени. Период неолита – раннего железного века V тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э., характеризуется стоянками древних людей на морском побережье и берегах Невы. В Средневековый период до 1300 г., здесь предположительно находился сторожевой пункт на Невском пути. Крепость Ландскрона существовала с 1300 по 1301 г. В позднесредневековый период здесь появляется сельцо на Усть-Охты, а позднее торговое поселение Невское устье (XV–XVI вв.). Следующий период связан с крепостью Ниеншанц (1611–1703 гг.). История ее фортификационного строительства делится на три этапа. Окружавшая ее территория представляет собой поле боя при Ниеншанце во время штурмов крепости в 1656 и 1703 гг. В XVIII в. здесь находился Охтинский питомник – «Канецкий огород» и, наконец, в 1808 – 1914 гг. Охтинская верфь, последним этапом существования которой стал Петрозавод (1914–1990-е гг.) (рис. 1. Цветная вставка).

Слои эпохи неолита и раннего металла. Культурные слои и находки эпох неолита и раннего металла были выявлены практически на всей территории мыса при впадении р. Охты в Неву,

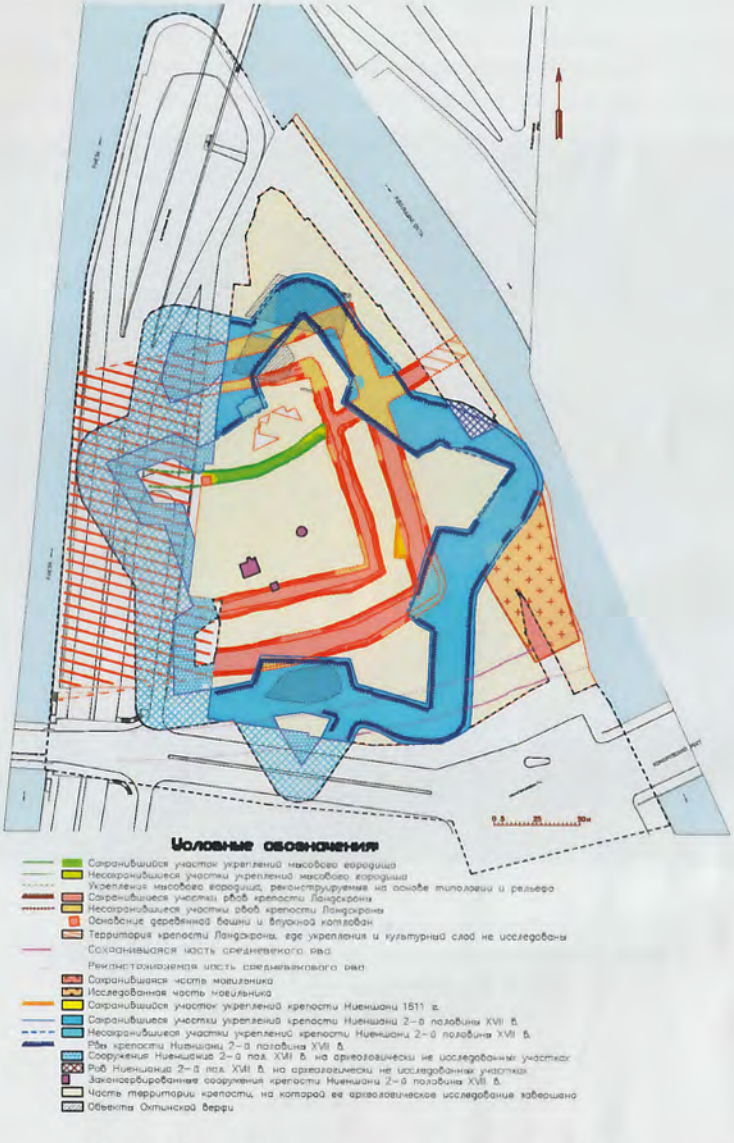
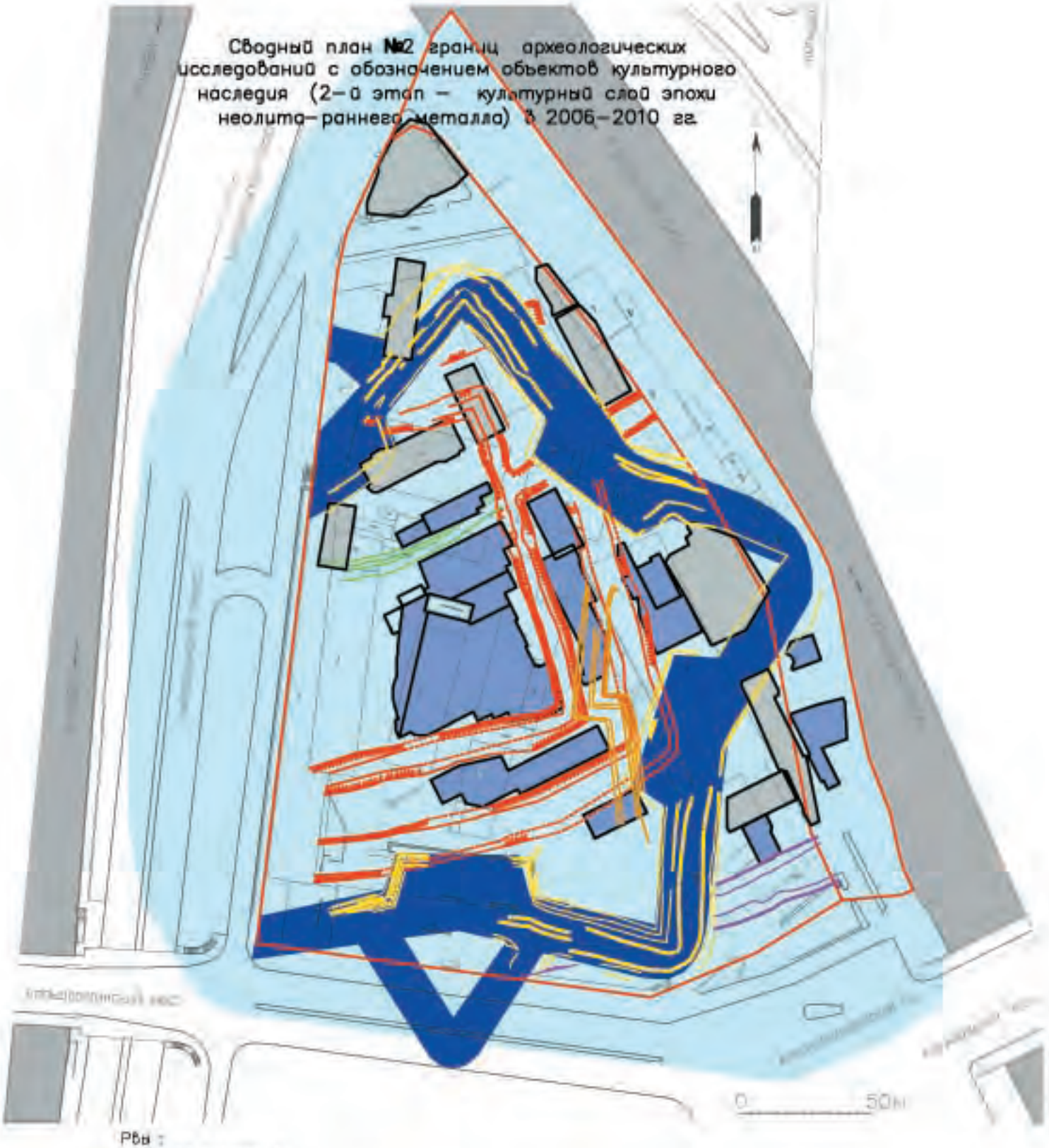
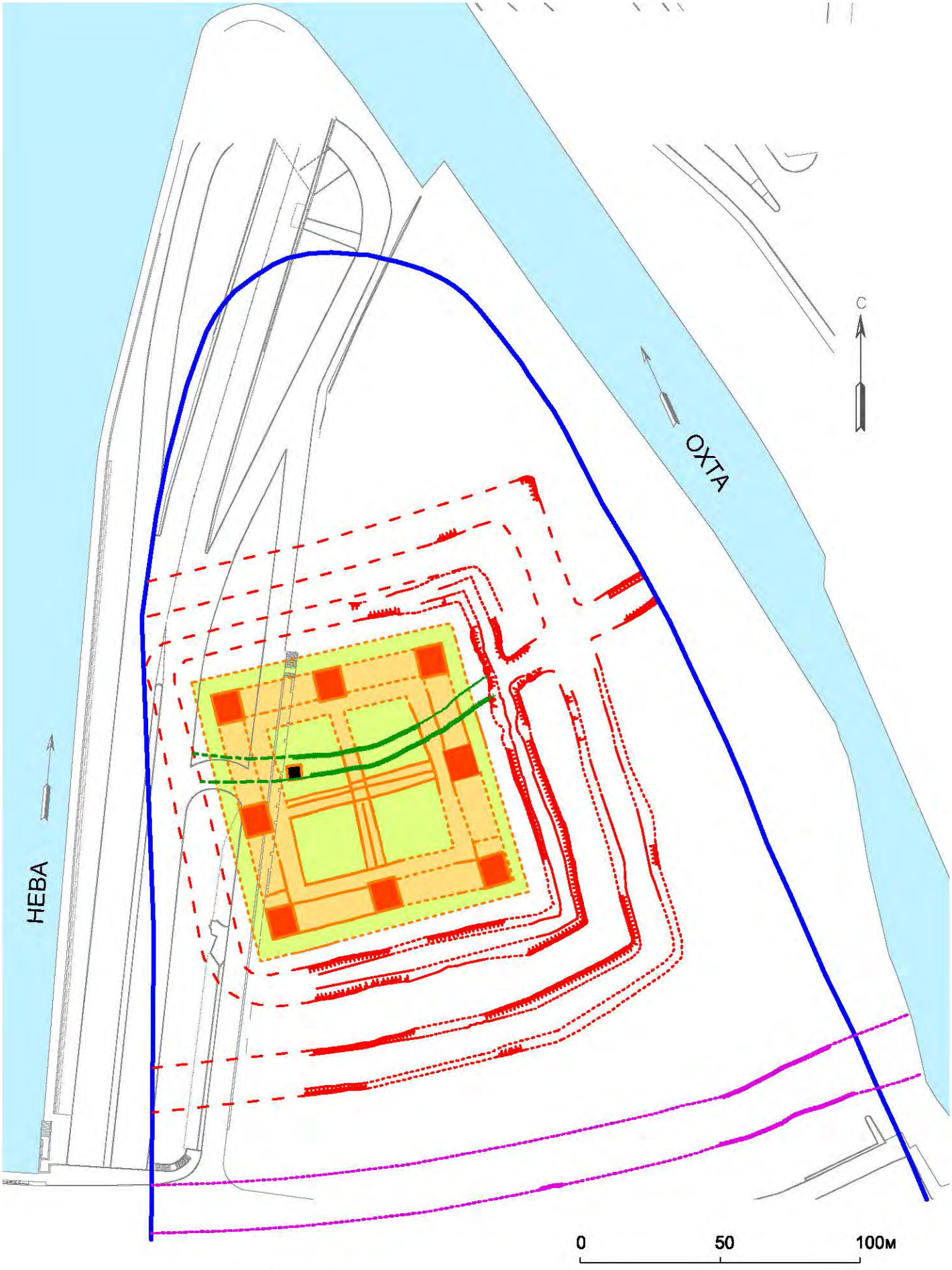


Рис. 1. План объектов культурного наследия выявленных на Охтинском мысу
(к статье П.Е. Сорокина)


Сводный план №2 границ археологических исследований с обозначением объектов культурного наследия (2-й этап – культурный слой эпохи неолита-раннего металла) в 2006-2010 гг.
0
50м
Рвы :
Древнего городища
Ландскроны XIII в.
Средневековый ров
Дерновая стена Ниеншанца 1611
Ниеншанца 2-й пол. XVII в.
Неолитические раскопы 2008-2009 г. – 6619 кв. м.
Неолитические раскопы 2010 г. – 4918 кв. м.
Ориентировочная зона распространения неолитического слоя, неисследованная территория на участке Охта-центра 21898 м2; в зоне берегоукрепления – 8656 кв. м.
Ров Ниеншанца 2-й пол. XVII в.



Условные обозначения

- Сохранившиеся рвы Ландскроны
- Реконструируемые рвы Ландскроны
- Песчаное заполнение платформы Ландскроны
- Заполнение дерновыми кирпичами
- Реконструируемые башни крепости
- Сохранившиеся рвы Мысового городища
- Реконструируемые рвы Мысового городища
- Сохранившаяся часть средневекого рва
- Реконструируемая часть средневекового рва
- Башня крепости Ландскроны
- Реконструируемая береговая линия

изучавшейся в 2006–2010 гг.[1] Они залегают в основании культурных напластований на отметках от 0 до 2.5 м от уровня Балтики. Характер стратиграфических слоев этого времени, многочисленные объекты с остатками деревянных конструкций, состав находок указывают на неоднократное заселение территории памятника в эпоху неолита и раннего металла (5–2 тыс. до н.э.).

Появление первых людей на этой территории было связано с регрессией Литоринового моря. Для эпохи позднего неолита здесь обнаружены ямы с остатками деревянных сооружений, забитые в песчаный грунт колья диаметром 0.08–0.15 м, связанные с промысловой и хозяйственной деятельностью человека. Здесь не были прослежены свайные поля регулярной формы, характерные для свайных поселений, существовавших на побережьях европейских водоемов с неолитической эпохи. Но существование здесь, в условиях затапливаемой территории и мелководья, построек и различного рода мостков на свайных основаниях вполне вероятно (рис. 2).

В слое и заполнениях ям сохранились остатки деревянных рыболовных заграждений, представляющих собой маты из расщепленных сосновых реек, сплетенные с помощью растительных веревок. Подобные рыболовные ловушки известны, как в археологических материалах Северной и Восточной Европы начиная с эпохи мезолита, так и в этнографии (Гусенцова, Сорокин, Кулькова 2012).

Материальная культура этого времени представлена: изделиями из органики (дерево, кора), несколькими группами глиняной посуды, разнообразным каменным инвентарем и набором янтарных украшений. Памятник «Охта 1» по своим масштабам и сохранности остатков деревянных конструкций входит в число редчайших объектов на территории Северо-Восточной Европы. Культурные слои этого времени на Охтинском мысу выявлены на площади свыше 40 тыс. кв. м, то есть занимают почти всю его территорию. К настоящему времени они изучены на участках общей площадью – 10117 кв. м. Это и есть та территория, на которой изучение археологического культурного слоя на мысу можно считать полностью завершенным (рис. 3. Цветная вставка).

Слои эпох неолита и раннего металла были перекрыты песчаными отложениями мощностью около 1 м, которые связываются со временем

[1] Раскопки 2006–2009 гг. велись Санкт-Петербургской археологической экспедицией СЗИ Наследия. После отстранения ее от работ по инициативе заказчика (ОДЦ Охта), в 2010 г. раскопки были продолжены экспедицией ИИМК РАН.

Рис. 2. Разборка ямы
с остатками неолитических деревянных конструкций

образования реки Невы. По мнению палеогеографов, эта река возникла около 3100 лет назад в результате прорыва вод из Ладожского озера в Финский залив (Saarnisto, Grönlund 1996). В целом эта дата подтверждается данными исследований на Охтинском мысу. Вместе с тем они опровергают устоявшуюся в научных кругах теорию о том, что первоначально между Ладогой и заливом существовала очень широкая протока, и этот пролив сохранялся до самой эпохи средневековья. Почвенный слой, образовавшийся на песчаных наносах, связанных с прорывом Невы на отметках около 2.5 м, датируется временем близким к 2800 лет назад. И в это же время сюда возвращается население. В центральной части мыса выявлены следы пребывания здесь человека в эпоху бронзы, а также в период раннего железного века. С бронзовым веком могут быть связаны каменный сверленый топор и некоторые фрагменты керамических сосудов.

С эпохой раннего железа связаны отдельные находки и комплексы, обнаруженные и исследованные в центральной части мыса на уровне 3.4 – 3.6 БС на берегу палеопротоки, пересекавшей мыс в

широтном направлении. Здесь, в основании древней погребенной почвы и зачистки по уровню материка, проявилось пятно темно-серого грунта диаметром около 10 м. В пределах пятна песок был насыщен древесным углем, обожженными камнями, органическими остатками и фрагментами лепной посуды с расчесами. В слое были обнаружены три очага, выложенные из гранитных булыжников. Кроме того вблизи этого комплекса и в нескольких местах на удалении от него были прослежены ямы, заглубленные из той же нижней части почвенного слоя, в котором имелись включения древесного угля. Рядом были также найдены фрагменты керамики этого времени (Сорокин, Короткевич, Гукин 2011: 368–382). Таким образом, удалось установить, что вскоре после образования Невы, ее воды вошли в современное русло. Эти находки свидетельствует о появлении на побережье Невы оседлого населения в раннем железном веке, а также опровергают представления о существовании широкого пролива между Ладогой и Финским заливом вплоть до средневекового времени.

Мысовое городище располагалось в северной части мыса, отделенной с напольной стороны естественной ложбиной. Здесь, недалеко от ее внутреннего края, были обнаружены два рва – большой и малый (рис. 4). Они пересекали мыс в широтном направлении между двумя реками и были прослежены на протяжении около 80 м в его центральной части. Внешний ров имел треугольное сечение в разрезе и закругленное дно. На его поверхности были прослежены следы органики, напоминающие остатки хвороста и бересты. Ширина его достигала около 3.5 м, глубина – до 2 м. За первым рвом в 1.5 м от него находился второй, расположенный параллельно. Он представляет собой канаву шириной около 1.5 м и глубиной до 1 м. Она была заполнена черным гумусом и, судя по всему, представляла собой заглубленную подошву земляного вала. Вал, перекрывавший своей внешней полой эту канаву, сохранился местами на высоту до 0.5 м. Он был насыпан из гумусного и песчаного грунта. На западном участке под ним были обнаружены следы забитых в ряд деревянных колов, читавшихся в виде пятен. Учитывая, что органика на этом уровне не сохраняется, реконструировать остатки этих оборонительных сооружений было затруднительно. В центральной части рвы оказались перекрыты более поздними деревоземляными сооружениями Ландскроны и поэтому хорошо сохранились. В восточной части – у берега Охты они были перерезаны более масштабными рвами Ландскроны и Ниеншанца. Со стороны Невы можно прогнозировать такую же ситуацию, хотя

Рис. 4. Укрепления мысового городища

нельзя исключать возможность сохранности здесь отдельных участков этих первоначальных укреплений.

На изученной части площадки городища, непосредственно примыкающей ко рву, не было выявлено культурного слоя, связанного со средневековым временем. Здесь были изучены участки погребенной почвы, перекрытые деревоземляной платформой Ландскроны и ямы, заполненные гумусом с включениями древесных углей. Вследствие своего высокого положения внутренняя площадка в значительной степени была повреждена поздними перекопами, при этом ее основная часть оказалась в значительной степени перерезана северными участками рвов Ландскроны и Ниеншанца. Поэтому первоначальные слои представлены здесь, в основном, в переотложенном виде. В слое погребенной почвы каких-либо находок средневекового времени обнаружено не было, что может свидетельствовать об отсутствии здесь стабильной оседлости до основания Ландскроны. Комплекс керамических материалов, обнаруженных в переотложенных слоях в пределах мысового городища и в его окрестностях, датируется в целом

XIV–XVII вв., и, поэтому также не может быть связан с городищем, предшествующим Ландскроне. Однако в этом районе были найдены предметы, которые могут относиться к раннему периоду – шиферное пряслице и калачевидное кресало. Еще два кресала такого типа были найдены в переотложенном виде в других частях мыса. Возможно, с этим же временем может быть связан и ряд других находок, имеющих широкую датировку.

Время существования этих первоначальных укреплений нуждается в уточнении, но прекращение их существования определенно было связано со строительством крепости Ландскрона, когда внешний ров был засыпан песчаным грунтом при строительстве новых укреплений в 1300 г. Ров в разных местах пересекали две линии деревянных городней новой крепости, датируемых этим годом.

В процессе исследований нами рассматривались несколько версий интерпретации этих фортификаций. Можно было бы предположить, что они являются укреплениями первоначального шведского лагеря, возникшего перед строительством крепости для защиты от нападений противника. Это могли бы быть внутренние укрепления самой Ландскроны. Высказывалось также мнение, что это остатки дренажной канавы, сделанной для отвода грунтовой воды в процессе строительства этой шведской крепости.

Мысовые укрепления были расположены внутри сооружений Ландскроны, и для ее строительства потребовалась их дефортификация, в результате которой были выполнены значительные объемы работ по нивелированию вала и засыпке рва. В условиях нехватки людей и времени и постоянной опасности появления русских войск, такого рода дополнительные работы, задерживавшие сооружение постоянных укреплений, не были оправданы. С этой точки зрения логичнее было бы устройство лагеря рядом с местом строительства, а размещение временной оборонительной линии на подступах к нему. Такую функцию вполне мог бы выполнять средневековый ров, прорытый между Невой и Охтой с внешней стороны крепости.

Рассмотрение мысовых укреплений как первоначально планировавшейся части внутренних фортификаций Ландскроны также маловероятно, поскольку по своей планиграфии в форме полукольца они не соответствуют регулярной планировке этой крепости. Кроме того они перекрываются тремя линиями деревянных городней и находятся в основании деревоземляной платформы, сооруженной уже на начальном этапе ее строительства.

Интерпретация рвов как дренажных систем еще более сомнительна, так как конструктивно это более сложное и масштабное сооружение, чем сточная канава. При этом они располагались вдоль края естественной ложбины, ориентированной в том же направлении и выполнявшей не только дренажную, но и оборонительную функции, учитывая, что ее донные отметки были ниже основания рва. Возможно, что в древности по ней протекал ручей. Во время строительства Ландскроны в некоторых местах ложбина была заполнена фашинами, которые обеспечивали дренирование грунтовых вод и после ее засыпки.

Полученные в процессе исследований данные показывают, что Ландскрона строилась по единому плану, и наличие на территории ее строительства любых сооружений существенно увеличивало трудозатраты и сроки этого строительства. Наиболее вероятная интерпретация этих сооружений – части мысового городища, которое было построено незадолго до основания Ландскроны, на что указывает отсутствие заплывания рва грунтом и каких-либо массовых артефактов в нем и на внутренней площадке. Соорудить его могли как местное ижорское население, так и новгородцы. Отсутствие на памятнике такой категории находок как керамика, свидетельствует скорее в пользу первого варианта. Если бы это были шведы или союзные им финские племена, совершившие вторжение в новгородские владения незадолго до основания Ландскроны, это наверняка бы не осталось незамеченным со стороны ижоры, выполнявшей дозорную службу на входе в Неву и нашло бы отражение в летописях. Возможно, сооружение этого сторожевого пункта, служившего предположительно для несения дозорной службы небольшого отряда, было вызвано участившимися вторжениями противника с Балтики в самом конце XIII столетия. Возможно, на Неве существовала система такого рода острожков, позволявших контролировать передвижения по реке и быстро передавать сведения о появлении противника. Сообщения могли передаваться как вверх по течению Невы, так и в центры ижорского расселения располагавшиеся, как показывает размещение ижорских древностей этого времени на удалении двух – пяти десятков километров от невских берегов к северу и югу (Сорокин 2008). Далее эта информация доносилась в Ладогу и Новгород. Масштабные фортификационные, земляные и строительные работы на Охтинском мысу повредили остатки этого укрепленного пункта, поэтому значительная часть информации о нем оказалась утрачена.

Ландскрона. Согласно сообщениям письменных источников крепость Ландскрона была основана шведами летом 1300 г., а уже в следующем 1301 г. была захвачена русскими войсками и разрушена. В Новгородской I летописи говорится: «придоша из замория свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастеры, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою на усть Охты рекы, и утвердиша твердостию несказаньною, поставиша в нем порокы, похвалившеся оканьнии, нарекоша его Венець земли» (ПСРЛ т. 3. 2000: 91). Подробное описание похода и построенных на Неве укреплений имеется в шведской хронике Эрика. Шведский флот с войсками в количестве 1100 человек возглавлял королевский наместник Тергильс Кнутсон. Согласно хронике крепость была построена при впадении реки Черной в Неву: «Над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами; ров был вырыт между обеими реками, за ними стояло все войско» (Шаскольский 1987: 18–25). Подошедшие новгородские войска не смогли взять ее штурмом. Вскоре после их ухода шведский флот отплыл в Швецию, оставив в Ландскроне гарнизон 300 человек.

В 1301 г., по свидетельству Новгородской I летописи: «...приде князь великый Андрей с полкы низовьскыми, и иде с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18,... и потягнуша крепко силою святыя София и помощью святою Бориса и Глеба твердость та ни во что же бысть за высокоумье их; зане всуе труд их без божия повеления: град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша».

Результаты раскопок показали, что крепость по своему устройству не была типичным мысовым укреплением, как это явствует из хроники Эрика. Она имела прямоугольные очертания стен и была окружена двумя линиями оборонительных рвов трапециевидной формы шириной – 11 м первый и 15 м – второй (рис. 5).

Оба этих рва были датированы временем Ландскроны радиоуглеродным и дендрохронологическим методами (Сорокин, Тарабардина 2012). Еще один ров, шириной около 16 м, прорытый примерно в 40 м южнее внешнего рва между двумя реками и защищавший территорию мыса с напольной стороны, по своему конструктивному устройству отличается от двух первых. Он имеет более округлое сечение, и в нем отсутствуют деревянные укрепляющие конструкции. Однако по своему раннему заполнению наносными песчаными слоями позднесредневекового времени он аналогичен двум другим рвам и также,

Рис. 5. Внешний ров Ландскроны с южной стороны

вероятно, был связан с Ландскроной. Возможно, это и есть остатки первоначального укрепления шведского лагеря, позволившего вести строительство крепости под его прикрытием.

Изученная часть укреплений показывает, что внутренняя площадка крепости имела размеры 114 х 114 м, таким образом, ее площадь составляла около 13 000 кв. м. Реконструируемые размеры крепости по периметру второго (внешнего) рва достигают около 180 х 180 м. Можно предположить, что и с западной стороны – на берегу Невы были аналогичные укрепления, с тем лишь отличием, что здесь отсутствовал внешний ров, т.к. он не вписывался в территорию мыса. Поэтому вероятно, что в этой части он мог замыкаться на береговую линию Невы.

На внутренней площадке крепости, окруженной первым рвом, была исследована насыпная платформа, снивелировавшая неровности мыса и перекрывавшая укрепления мысового городища, предшествующего времени. В основе платформы были периметральные линии деревянных сооружений – городней, сложенных и срубленных из сосновых деревьев. Двухрядные линии городней шириной около 6.5 и 9.5 м, располагались параллельно рвам крепости, образуя

квадрат, который делился крестообразно еще двумя линиями шириной 5–7 м, пересекавшимися в его середине. Внутри деревянные клети были заполнены: бревнами, ветками, дерном и песком. Сохранившаяся ко времени раскопок высота деревоземляной платформы на внутренней площадке крепости составляла не менее 1–3-х м, увеличиваясь в зависимости от понижения рельефа. Платформа имела плоское завершение и наклонные стенки, облицованные деревянными конструкциями и обложенные дерном, а на ее вершине располагались крепостные сооружения. При этом, судя по имеющимся аналогиям, она могла быть значительно выше, поэтому все незначительные заглубления, связанные со строительством и жизнедеятельностью крепости, находившиеся в ее верхней части, оказались срыты при последующих перепланировках.

Деревоземляные линии городней, вероятно, соответствовали планиграфии наземных крепостных сооружений. Они не только предохраняли насыпную платформу от оплывания, но и закладывались в основание будущих крепостных построек. Если рассматривать структуру городней как такую основу – то планируемые постройки должны были располагаться в форме каре прямоугольной формы. Эта планиграфия соответствует новому типу укреплений – кастеллов, появившихся в европейской фортификации начиная с XIII столетия. Вероятно, ядром новой крепости должен был стать, конвент[2] – сооружение, известное в западноевропейской фортификации этого времени, а строительство современной по тем временам крепости действительно велось с участием итальянских мастеров. Подобный тип квадратных и прямоугольных крепостей с единым каре замковых построек и восемью башнями, располагавшимися по углам и сторонам стен, был хорошо известен в Италии уже в середине XIII столетия (Сорокин 2014). Именно к такому сооружению, объединявшему в едином комплексе оборонительные, жилые и хозяйственные строения, мог относиться термин «husit», «hus», используемый в хронике по отношению к сооружениям Ландскроны, который ранее интерпретировался исследователями как дом или дома, постройки внутри крепостных стен. В средневековом шведском языке эти термины имели несколько значений и могли означать помимо дома, крепость или замок. Структура подземной платформы Ландскроны показывает, что она возводилась по еди-

[2] Konvent – haus (*нем.*) konvent – hus (*швед.*), происходят от латинского «conventus» – собрание, сходка, в буквальном переводе дом для собраний.

ному проекту и должна была включать в себя комплекс взаимосвязанных корпусов, располагавшихся в форме каре с регулярной планировкой по периметру центральной площадки. Внутри него должен был находиться открытый двор, который мог делиться на 4 равные части галереями.

Необыкновенная мощность укреплений Ландскроны, включавших две-три линии оборонительных рвов и насыпную платформу, отмечалась в Новгородской I летописи: «утвердиша твердостию несказаньною...» (ПСРЛ 2000, т. 3: 91). Именно эта необычная для Руси крепостная платформа Ландскроны нашла отражение в ряде летописей. Если в Новгородской I летописи о разрушении крепости говорится: «...а град запалиша и розгребоша...», то в Софийской I летописи уточняется: «а град запалиша огнем, а гору раскопаша», в Уваровской, Львовской и Ермолинской летописях: «и огнем запалиша, и гору раскопаша» (ПСРЛ 2000, т. 6: 366, 1910, т. XXIII: 172, 1963: 64, 1910, т. XX: 95). Вероятно, эти подробности, отсутствующие в Новгородской I и попавшие в другие летописи, были записаны со слов участников этих событий и дошли до нас в списках XV–XVI вв. До настоящего времени упоминание в летописях некой горы не находило реального объяснения, считалось, что речь идет о земляном вале, ограждавшем мыс с напольной стороны, на котором стояла стена (Шаскольский 1987:41). Теперь же очевидно, что речь идет об искусственно созданной платформе, значительно возвышавшейся над земной поверхностью и внешне напоминавшей гору.

Важнейшим элементом крепостных сооружений были башни. Хроника упоминает восемь башен с бойницами в составе стены. Учитывая выявленную в ходе археологических раскопок квадратную форму крепости, можно предполагать, что башни располагались равномерно по ее периметру. Таким образом, в крепости могло быть четыре угловые башни и четыре, находившиеся между ними в центральных частях стен. Реконструируемая длина стен укрепления по каждой из четырех сторон составляет около 90 м (рис. 6. Цветная вставка). При ширине башен в 8–10 м, расстояние между ними могло быть всего около 35–40 м, что позволяло обороняющимся, вооруженным метательными орудиями и арбалетами, надежно защищать подступы к крепостным стенам.

Остатки башен, также как и стен, не были выявлены в процессе раскопок на своих местах. Однако, возможно, с ними связаны некоторые находки, дающие информацию об их расположении.

На внутренних склонах и на дне первого крепостного рва были обнаружены остатки сгоревших деревянных конструкций, связанных с крепостными сооружениями, обрушившимися во время пожара, а также сползшими или сброшенными в ров после разрушения крепости. В отдельных местах наблюдались большие скопления таких конструкций, которые могут быть связаны с остатками башен. Два таких скопления находились как раз в центральных частях восточного и южного рвов. В юго-западном углу внешней линии городней выделялась срубная конструкция с реконструируемыми размерами 9.7 х 10 м, которая и могла служить основанием угловой башни с этой стороны крепости.

В западной линии укреплений было изучено срубное подземное сооружение, размерами 5.3 х 5.1 м, высотой около 4 м. В основании его был колодец, служивший также резервуаром для хранения воды. Внутри сруба были обнаружены остатки верхних частей, обрушившиеся в результате пожара. Данное сооружение могло служить нижним ярусом башни донжона, которую планировалось возвести в камне. Помимо деревянных остатков в заполнении его было обнаружено значительное количество гранитных булыжников и валунов. Вероятно, существовали планы возведения на подземных деревоземляных конструкциях каменных корпусов. Однако, в отличие от Финляндии и Карелии, где шведы строили каменные крепости, здесь для этого недоставало камня.

На внутреннем склоне первого оборонительного рва были обнаружены следы штурма и разрушения крепости – сгоревшие остатки крепостных стен. Местами следы пожара прослежены на деревянных облицовках стенок самого рва. Во всех этих конструкциях и на склонах рва были обнаружены арбалетные болты и наконечники стрел. Среди находок два массивных наконечника от станковых арбалетов – «самострелов», а также наконечники копья и сулицы.

Сообщения летописей, которые можно трактовать как свидетельство полного разрушения крепостных укреплений, не подтверждают результаты археологических раскопок. Вероятно, были сожжены и разрушены наземные укрепления крепости, возможно, срыта какая-то часть насыпной платформы, остатки которых оказались частично смещены в первый ров. Однако полная дефортификация требовала значительных трудозатрат и она не была выполнена. В результате была частично засыпана только первая – ближайшая к крепости линия рвов.

Позднесредневековые поселения: с**ельцо на Усть-Охты, Невское устье (XV–XVI вв.).** Раскопки показывают, что при разрушении крепости, ее внутренний ров оказался засыпан в незначительной степени, а внешний оставался почти совсем открытым и остатки укреплений Ландскроны сохранялись на местности вплоть до XVII в., постепенно разрушаясь естественным путем. Эти обстоятельства во многом определяли возможности освоения территории мыса в последующий период. Значительная его часть была непригодна для земледельческого использования, так как на всей территории занимаемой остатками укреплений крепости Ландскрона плодородный почвенный слой был срыт или засыпан. Нетронутыми были только узкие прибрежные участки за ее пределами. В северной части мыса – вне крепостных укреплений археологические находки, которые могут быть отнесены к этому времени почти отсутствуют. Эта пониженная оконечность мыса могла затапливаться наводнениями и была малопригодна для поселения. Культурные слои этого времени на мысу почти не сохранились в результате более поздних планировочных и строительных работ. К рассматриваемому периоду относятся преимущественно фрагменты керамических сосудов белоглиняных и красноглиняных. Они были обнаружены, преимущественно, в слоях, отложившихся в основании заполнения рвов Ландскроны. Некоторая их часть была и в дерновых пластах из облицовки укреплений Ниеншанца, дерн для которых снимался, вероятно, на месте строительства крепости.

Концентрация керамических находок в юго-восточной части мыса свидетельствует о местонахождении поблизости достаточно крупного поселения XV–XVI вв. Появляется оно не позднее XV в., но время его возникновения здесь еще требует уточнения, так как датировка отдельных типов, обнаруженной здесь керамики, может выходить и в XIV в. Территория концентрации керамических находок находится рядом с могильником конца XVI начала XVII вв. Причем в погребениях этого могильника и на его территории керамические материалы позднесредневекового времени почти полностью отсутствуют. Отсутствуют среди них и надежно датированные захоронения этого времени. Учитывая концентрацию керамических материалов XV–XVI вв. в заполнении средневекового рва, можно полагать, что поселение находилось к югу и к западу от кладбища. Уточнение исторической топографии участка возможно после продолжения исследований примыкающей с юга территории.

Первое описание поселений в устье реки Охты содержится в Писцовой книге Водской пятины 1500 года. Согласно этому документу земли в нижнем течении Охты издавна принадлежали знатным боярским родам Великого Новгорода. После присоединения к Москве расположенные здесь селения входили в состав владений Великого князя, которые названы как волость «на реке Неве у моря» и «деревни на усть Охты». Согласно Писцовой книге Водской пятины в 1500 г здесь были три деревни и сельцо, в котором было 18 дворов (ВМОИДР 1851: с.119–121).

Судя по отрывочным документам в XVI в. на основе позднесредневековых поселений здесь формируется торговый центр, получивший название Невское устье. В 1599–1603 гг. в Выборгских таможенных книгах упоминается Невский городок. Более подробные сведения об этом поселении имеются в Обыскных книгах 1599–1600 гг. (Бутков 1863: 415, Селин 1998). На основании документов можно говорить о том, что в XVI в. появляется торговое поселение Невское устье, где имелись церковь Михаила Архангела, корабельная пристань, Государев гостиный двор, таможня и велась международная торговля (Шаскольский 1993, Сорокин 2001: 22–36). Только в одном 1615 г. это место посетили 16 судов из Выборга, Ревеля, Нарвы, Норчепинга, Стокгольма, Голландии, а также Новгорода, Ладоги и Ивангорода (Якубов 1890: 76).

К позднесредневековому времени относится появление кладбища на левом берегу реки Охты, которое было обнаружено в 1993 г. (Сорокин 1994, 2001: 31–32). В 2006–2009 гг. здесь было исследовано 220 погребений на месте, а кроме того, обнаружено около 219 разрушенных захоронений[3]. Еще 91 погребение, помимо переотложенных останков, было раскопано в 2010 г. (Отчет 2010, т. 31: 5–21, т. 38: 6–8). Изученная часть могильника имеет протяженность около 65 м и ширину около 30 м. Неисследованными остаются его юго-восточная и северо-восточная части, составляющие около 15% его общей площади. С южной стороны распространение погребений было ограничено размытым северным склоном средневекового рва, с востока берегом реки Охты. Северную границу кладбища можно определить только ориентировочно – с середины XVII в. здесь был вырыт юго-восточный ров новой крепости Ниеншанц. При этом, судя по всему, была срыта северная часть кладбища. Захоронения могильника были уничтожены также примыкавшими ко

[3] Точное количество переотложенных захоронений установить затруднительно.

рву гласисом и подземными ходами. Большое количество человеческих останков было обнаружено и за пределами кладбища – в других местах мыса[4] (Сорокин и др. 2013). Основная часть их – остатки около 210 погребений, были обнаружены в переотложенном состоянии в слоях XVII в. на расстоянии около 50 м к западу и северо-западу от границ некрополя. Два скопления человеческих останков, одно из которых включало части около 63 костяков, второе около 49, засыпанные в середине этого столетия в южной части внешнего рва Ландскроны, носили явный характер перезахоронений. Поблизости от них, а также в восточной части этого рва встречались и отдельные костные материалы (раскопы 3, 8). Значительная часть рассредоточенных останков – около 55 была обнаружена и в засыпке внутреннего рва Ландскроны (раскопы 5, 7), относящейся, вероятно, к первой половине того же столетия. Учитывая, что в составе всех этих скоплений имеется значительное количество женских и детских останков, вероятно, они не относятся к каким- либо военным событиям, а связаны с разрушением Охтинского кладбища при строительстве новых укреплений Ниеншанца в XVII в. Рассредоточенные человеческие костные останки (около 30) были найдены также в заполнении рва Ниеншанца у Карлова бастиона, а также в засыпке средневекового рва, ограничивавшего могильник с юга.

В северной и северо-западной частях мыса также было обнаружено несколько захоронений. Одно из них находилось на самой оконечности мыса за пределами крепостных сооружений. Еще пять погребений с остатками гробов и колоды были обнаружены южнее, со стороны Невы – во рву Ниеншанца перед его северо-западной куртиной (Отчет 2010, т. 27: 12, 38; т. 12: 21; т. 29: 10–11, 26). Судя по местоположению и стратиграфии этих захоронений, их ориентировке, а также по свинцовой пуле, найденной в одном из них, вероятнее всего, их можно относить ко времени штурма Ниеншанца в 1703 г. или ко времени военных действий, происходивших здесь в самом начале XVIII в. (Сорокин 2001: 91–93).

Часть могил некрополя была уничтожена фортификационными сооружениями второй половины XVII в., современными инженерными коммуникациями и постройками – в заполнении перекопов в большом количестве встречаются переотложенные кости. Могилы во многих случаях перекрывают друг друга в два-три яруса. Костя-

[4] Отдельные скопления исследовались археологами: С.Г. Поповым, К.А. Михайловым, В.Д. Гукиным, М.М. Ахмадеевой.

ки лежали на спине, одна или обе руки были на груди или животе либо вытянуты вдоль туловища. Часть погребений совершалась в гробах, от которых сохранились древесный тлен и кованные гвозди. Основная ориентировка погребенных: головами на юго-запад. Однако отдельные захоронения ориентированы головами на северо-восток и северо-запад. Некоторые погребения выделяются тем, что в пределах одной могильной ямы расчищено 2–3 уровня костяков, лежащих друг на друге. Часть из них, возможно, является коллективными захоронениями. Кроме того, в двух случаях удалось зафиксировать групповые захоронения в широкой могильной яме, на дне которой обнаружен дощатый настил, на который погребенные были уложены в ряд на одном уровне.

Сопутствующие находки в погребениях редки. Среди них: 9 шведских монет 1630–1640-х гг., фрагмент железного ножа, бронзовый нательный крест, детали одежды и украшения. В пяти могилах среди костей обнаружены свинцовые пули, в одном случае – 2 пули в черепе. Могильник может быть датирован по находкам XVI – первой половиной XVII вв. В верхнем слое засыпки юго-восточной части рвов Ландскроны было найдено около трех сотен переотложенных погребений. В двух местах – в южной линии внешнего рва, где были сложены около двух сотен человеческих останков, включавших черепа и кости, они носили следы перезахоронения. Отдельные человеческие кости и их небольшие скопления встречались также в засыпке внутреннего и внешнего рвов и в других местах. Значительная часть из них принадлежала женщинам и детям. Таким образом, захоронения были обнаружены в разных частях мыса и относятся они к разному времени, хотя их основная часть принадлежит к XVII в. (Сорокин и др. 2013) (рис. 7).

Ниеншанц (1611–1703 гг.) Во время русско-шведской войны, в 1611 г., по приказу шведского короля Карла IX в устье реки Охты была сооружена дерево-земляная крепость, вмещавшая 500 человек. Она располагалась на месте шведской крепости Ландскрона XIII в. и русского торгового поселения Невское устье XVI в. Крепость получила название Нюенсканс – Невское укрепление. В 1617 г. по Столбовскому миру Ижорская земля отошла к Швеции. В 1632 г. на правом берегу Охты напротив крепости по приказу короля Густава II Адольфа был основан город Ниен. В течение последующих десяти лет королева Кристина пожаловала Ниену полные городские права. Первоначальная крепость, расположенная на мысу между Невой и Охтой, имела прямоугольную форму. На карте устья Невы 1643 г.

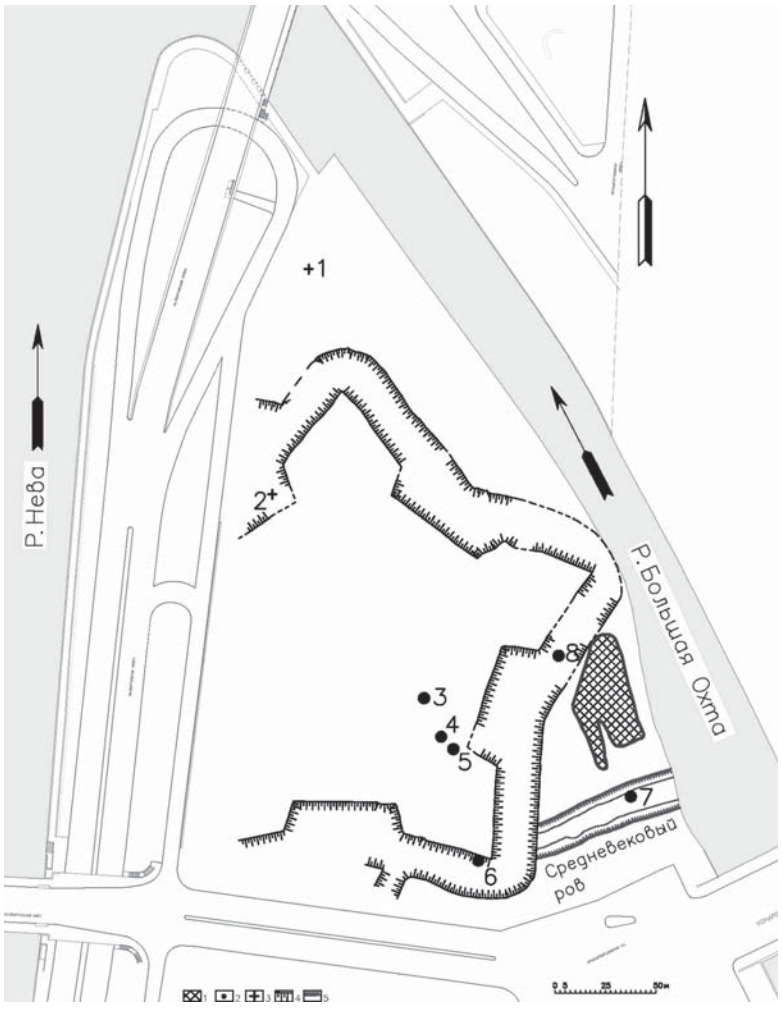


Рис. 7. План Охтинского некрополя

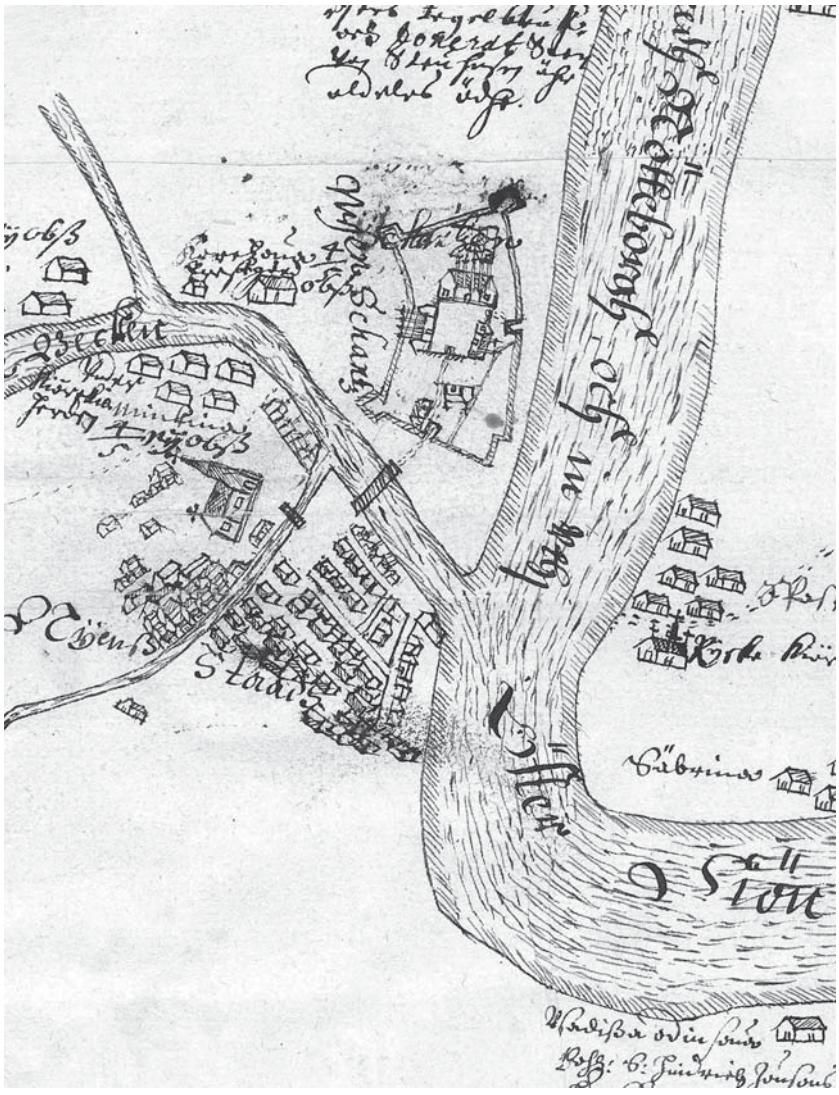


Рис. 8. Крепость Ниеншанц на карте 1643 г.

крепость изображена с внешними земляными укреплениями в виде неправильного шестиугольника с тремя бастионами (рис. 8).

Проекты 1630-1650-х гг., разработанные Георгом Швенгелем и Юханом фон Роденбургом, предусматривали строительство новой цитадели с четырьмя или пятью бастионами и сооружение укреплений вокруг уже сформировавшегося города с включением в них еще не освоенных территорий на левом берегу Охты. В 1652 г. был утвержден обновленный проект укреплений Ниена. Строительство их велось инженером Генрихом фон Зойленбергом. Однако этот проект не был доведен до конца к началу войны. В самом начале русско-шведской войны 1656–1661 гг. Ниеншанц был взят и разрушен русскими войсками. Однако после войны эта территория осталась за Швецией. Строительство новой крепости было начато вскоре после ухода русских войск и завершено после окончания войны. Цитадель, расположенная на мысу, имела форму звезды с пятью бастионами и двумя воротными равелинами. Главные ворота по-прежнему выходили к Охте, мост через которую связывал крепость с центром города. Бастионы получили названия: Карлов, Гельмфельтов, Гварн (Мельничный), Гамбле (Старый) и Додхе (Мертвый). Согласно плану 1681 г. диаметр окружности, описываемой по ее оконечностям, составлял около 245 м. Ширина бастионов достигала около 60 м, протяженность куртин между бастионами – 50.4 м, ширина валов – около 19 м, ширина рва 27 м.

В 1670-е гг. концепция укрепления Ниеншанца была изменена. В проектных планах Эрика Дальберга и Карла Стюарта предлагалось перенести весь город на мыс между Невой и Охтой, защитив его внешней линией укреплений. Однако укрепления с тремя бастионами к югу от цитадели были построены только к началу Северной войны. В начале Северной войны – в октябре 1702 года, после взятия русскими войсками Нотеборга (Шлиссельбург), шведское командование эвакуировало население Ниена, а сам город был сожжен. 25 апреля 1703 года двадцатитысячный корпус русских войск под командованием Петра I и фельдмаршала Шереметева начал осаду Ниеншанца, который защищал гарнизон из 600 человек. После массированной бомбардировки, нанесшей большой урон крепости, 1 мая шведы капитулировали.

Выявление объектов крепости Ниеншанц было начато с укреплений последней крепости, построенной в середине XVII в., которые лучше всего сохранились. Этот период фортификационного

строительства более других документирован картографическими материалами и письменными свидетельствами. До начала исследований местоположение укреплений этого периода на местности было определено с точностью до 10 м. Раскопки позволили не только уточнить информацию о местоположении крепости, но и изучить ее конструктивные особенности.

Сложнее было разобраться с сооружениями Ниеншанца первой половины столетия, показанными на схематичных картах и немногочисленных проектных планах. Остатки этого времени сохранились фрагментарно и в значительной степени оказались перекрытыми более поздними укреплениями.

В первой половине XVII в. в юго-восточной части мыса на левом берегу Охты существовало кладбище. Сооружения и постройки крепости Ниеншанц начала XVII в., были обнаружены севернее него. Сохранились они и на северной оконечности мыса, где их остатки не были разрушены последующим фортификационным строительством. Первоначальные укрепления дерево-земляного замка находились в пределах центральной площадки Ландскроны, первый ров которой был засыпан, а второй, вероятно, подновленный, продолжал выполнять оборонительную функцию. С восточной стороны через него был переброшен мост, выходивший к мосту через Охту.

Изученные постройки этого времени располагались за переделами крепостного рва. С восточной стороны крепости были обследованы остатки шести построек. Все они были заглублены в грунт до 0.8–1.5 м. Лучше других сохранилась самая южная постройка, перекрытая насыпью Мертвого бастиона. Это сгоревшее срубное строение размерами 5.8 х 5.8 м. В центре его находился развал печи из плоских известняковых плит, кирпичей, изразцов. В заполнении найдены фрагменты керамической и стеклянной посуды и монеты королевы Кристины (1632–1654 гг.). Два других сооружения, сделанные в овальных котлованах, также носят следы гибели в пожаре. К северу от нее было обнаружено еще четыре постройки. Со стороны Охты эти постройки были защищены частокольным заграждением.

Участок бастионных укреплений крепости Ниеншанц 1640–1650-х гг. был изучен с восточной стороны крепости. Местами практически на полную высоту сохранилась внутренняя стенка рва вдоль восточной куртины крепости протяженностью – 36.9 м, левого фланка юго-восточного бастиона – 8.5 м, и его фаса 57.4 м. В процессе раскопок здесь были зафиксированы три линии кладок, сложенных из

пластов дёрна, служившие укреплениями рвов и валов крепости. На сохранившихся участках ширина линий дерновых кладок достигала 1.6–1.7 м. Кладки из пластов дерна сохранились на высоту до 1.3 м (рис. 9). Первая кладка укрепляла внутренний склон крепостного рва. Вторая линия проходила на удалении 2.4–2.5 м от нее и промежуток между ними является бермой. При этом вторая и третья линии дерновых кладок имели наклон внутрь 4-х метрового промежутка между ними. Они могут быть интерпретированы как облицовочные кладки фоссербреи – дополнительного укрепления, располагавшегося вдоль крепостных валов.

В процессе раскопок были выявлены и исследованы значительные по площади участки крепостных рвов Ниеншанца второй половины XVII в. Это рвы, примыкающие к юго-восточной куртине крепости между Карловым и Мертвым бастионами и к северо-восточной куртине между Мертвым и Старым бастионами, а также участки у Карлова и Гельмфельтова бастионов (рис. 10). Внутренний склон рва вновь возведенной крепости, имевший уклон около 60^0, был облицован дерновой кладкой шириной около 1.5 м, предохранявшей его от оплывания. В основании дерновой кладки на уровне дна рва имелась деревянная конструкция из двух линий бревен, с поперечинами срубленная в два венца. В 3 м от стенки рва обнаружен бревенчатый палисад – ряд частокола, сохранившийся на высоту до 1.2 м. Линия палисада проходила параллельно куртине и фланкам бастионов, повторяя их очертания.

У фланков Карлова, Гельмфельтова бастионов на высоте около 1.5 м над дном рва были исследованы остатки деревянных платформ, служившие для ведения фланкирующего обстрела. С внутренней стороны они опиралась на дерновый склон и бревенчатую клеть, лежавшую в основании дерновой стенки рва, с внешней на деревянные столбы, забитые в его дно. Хуже сохранившиеся остатки аналогичной платформы отмечены и у фланков Мертвого и Старого бастионов.

На месте примыкания куртин к Мертвому и Старому бастионам были обнаружены потайные ходы – сортии, представлявшие собой лестничные спуски под углом около 30^0, ведущие из бастионов в ров. Ходы высотой 1.6 м были обшиты доской и перекрыты деревянной кровлей с берестой. Со стороны рва ход у Мертвого бастиона запирался деревянной дверью размерами 1.2 х 1.4 м. Используя эти ходы можно было незаметно для осаждающих спуститься в ров на

Рис. 9. Ров Ниеншанца середины XVII в.

Рис. 10. Карлов бастион крепости Ниеншанц. Раскопки 2009–2010 гг.

деревянную платформу у фланка бастиона и вести оттуда огонь вдоль линии частокола.

В центральной части ширина рва по дну составляет 28 м. Его внешний борт, также как и внутренний, укреплен дерновой кладкой, но уже без каких-либо бревенчатых конструкций. В 3 метрах от основания внешней дерновой стенки, параллельно ей, в донной части рва была прокопана канава шириной около 7 м и глубиной до 1 м, борта которой оказались размыты. Сохранившаяся глубина рва до дна канавы достигала около 3.4 м.

В центральной части крепости был исследован крепостной колодец, размеры которого составили 3.0 х 3.0 м. Деревянный сруб из 8–9 венцов был собран «в лапу» из массивных тесаных брёвен прямоугольной формы 0.40 х 0.35 м. На дне сруба (отметки 0.50 БС) – четырехугольная конструкция из бруса, установленного на ребро параллельно стенкам и повторяющая конфигурацию колодца. Вероятно, она предохраняла дно колодца от заплывания. Судя по всему, он был разобран и засыпан вскоре после прекращения существования крепости. В настоящее время сруб законсервирован, до принятия решения о возможности его сохранения.

Взятие Ниеншанца в 1703 г. Накануне начала Северной войны – в 1699 году были начаты спешные работы по строительству новых укреплений Ниеншанца. Вскоре после падения Нотеборга 18–20 ноября 1702 г. по решению военного командования, жители города Ниена были переселены в Выборг, а сам город был сожжен из-за опасения внезапного появления русских войск (Шаскольский 1987а: 335). Однако русское наступление было начато только в апреле следующего года. Перед штурмом весь гарнизон крепости состоял из 700 солдат. В крепости имелось 78 орудий разных калибров (ПБИПВ 1889., т. II: 155–157).

С русской стороны в штурме крепости участвовал двадцатитысячный корпус под командованием Петра I и фельдмаршала Б.П. Шереметева. Осада с массированным артобстрелом продолжалась с 25 апреля по 1 мая, после чего гарнизон капитулировал (Книга Марсова 1766: 14–18).

Разрушения крепостных сооружений в процессе штурма прослеживаются на разных участках. Ко времени штурма Ниеншанца относятся: ядра, картечь, осколки чугунных мортирных бомб, которые были найдены непосредственно на дне крепостных рвов, а также внутри крепости. Большинство из них сосредоточено с южной стороны

крепости, у шпица Карлова бастиона (юго-восточного бастиона), где на дне рва были обнаружены рухнувшие во время обстрела дерновые обкладки стен и деревянные конструкции. Дерновые фашины в виде гигантских корзин, сделанные из хвороста и служившие заграждением от обстрела на валах крепости, обнаружены у основания фланка Гельмфельтова (юго-западного бастиона). Они служат ярким свидетельством ожесточенного штурма ее русскими войсками в 1703 г.

В заполнении рва последнего Ниеншанца прослеживаются три слоя. Нижний связан с заплыванием рва в период существования крепости. Два других слоя характеризуют два этапа его засыпки. Первый связан с разрушением крепости во время и вскоре после штурма, второй относится к XIX в., когда на этой территории существовала Охтинская корабельная верфь. Среди фрагментов поливных керамических сосудов, обнаруженных в разных местах мыса, выделяются массивные донца на поддонах со сквозными круглыми отверстиями. Такие донца были характерны для больших садовых ваз, в которых выращивали различные растения. Эти находки связаны со временем существования здесь в XVIII в. садового питомника.

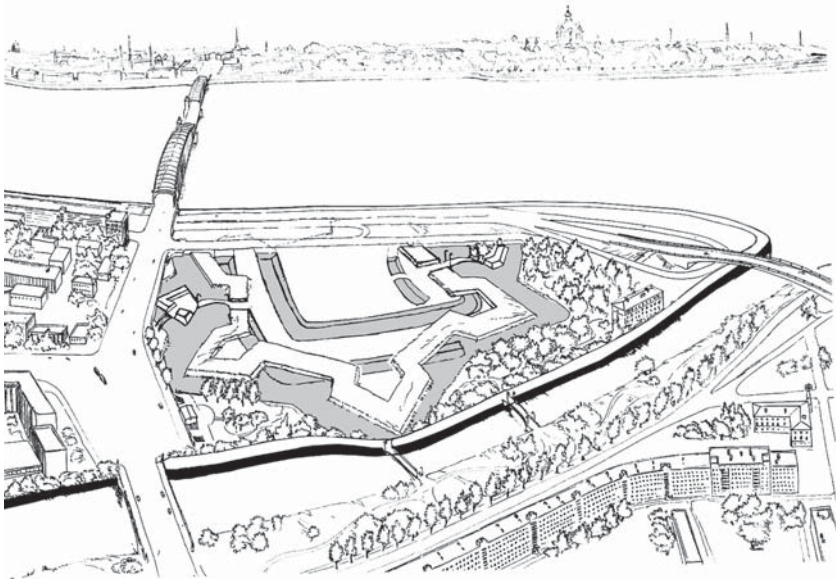


Рис. 12. Ландшафтный музей. Эскиз архитектора М. Атаянца, доработанный архитектором Е. Мельниковой

берегу Невы. Собрана большая коллекция находок этого времени, характеризующая как производственную деятельность верфи, так и бытовую сторону жизни.

Помимо археологических культурных слоев, на Охтинском мысу были выявлены хорошо сохранившиеся части фортификационных сооружений – рвы: мысового городища, Ландскроны XIII в. и Ниеншанца XVII в., обладающие признаками объектов культурного наследия – остатки фортификационных сооружений (городищ), содержащие информацию об исторической планировке фортификационных сооружений различных периодов, которые согласно Закону об объектах культурного наследия должны быть сохранены на месте их обнаружения.

В настоящее время основная часть выявленных здесь архитектурных фортификационных сооружений сохраняются после их временной консервации путем обратной засыпки[5] (рис. 11. Цветная вставка). Рекомендуемые методы сохранения: 1. сохранение рвов и валов на местности в качестве ландшафтных объектов путем их музеефикации или обратной засыпки, 2. сохранение деревянных объектов путем их извлечения из грунта, консервации и музеефикации по отдельному проекту или обратной засыпки.

В результате раскопок, проведенных на Охтинском мысу, была получена новая научная информация по истории Приневского региона (предыстории Петербурга) и собрана ценная коллекция артефактов времени V тыс. до н.э. – XVII в., позволяющая ставить вопрос о создании Археологического музея Петербурга. Учитывая уникальность выявленных объектов, и их значимость для истории Петербурга, России и Европы необходимо предусмотреть их дальнейшее сохранение. Наилучшим вариантом сохранения выявленных сооружений было бы создание здесь ландшафтного археологического музея-заповедника (рис. 12).

[5] До настоящего времени не законсервированными остаются раскопы 2010 г., что ведет к разрушению культурного слоя и объектов культурного наследия. Более того в процессе раскопок 2010 года крупные участки укреплений Ландскроны и Ниеншанца оказались полностью срыты, якобы для изучения неолитического культурного слоя, хотя по отношению к соседним участкам было заявлено, что изучение неолитических слоев на них не представляет научного интереса.

Литература:

Бутков 1836 – Бутков П. О состоянии местностей Санкт Петербургских в XVI в., ЖМВД, т.XX., СПб.

ВМОИДР 1851 – Временник общества и древностей Российских. Кн. 11. Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 г. М.

Гадзяцкий 1941 – Гадзяцкий С.С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–1658 гг. / № 11, Исторические записки.

Гиппинг 1909 – Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. т.1, 2, СПб.

Книга Марсова 1776 – Книга Марсова или воинских дел. СПб.

Лаппо-Данилевский 1913 – Лаппо-Данилевский А.С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб.

ПБИПВ 1889 – Письма и бумаги Императора Петра Великого. СПб., т. II.

ПСРЛ т.3. 2000 – Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись. т. 3. М.

ПСРЛ т.6. 2000 – Полное собрание русских летописей. Софийская I летопись. Т. 6, вып. 1., М.

ПСРЛ т. XXIII. 1910 – Полное собрание русских летописей. Ермолинская летопись Т. XXIII, СПб.

ПСРЛ т XXVIII. 1963 – Полное собрание русских летописей. т. XXVIII, Уваровская летопись Т. XXVIII, М.Л.

ПСРЛ т.XX. 1910 – Полное собрание русских летописей. Т. XX, Львовская летопись Т. XX, ч. 1. СПб.

Селин 1998 – Селин А.А. К исторической топографии Невского устья / Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 269–272.

Сорокин 1994 – Сорокин П.Е. Археологические исследования в устье реки Охты / Петербургские чтения. СПб.

Сорокин 2001 – Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.

Сорокин 2008 – Сорокин П.Е. Археологические исследования города Ниена, крепости Ниеншанц и перспективы создания Археологического музея Петербурга / Реликвия №18. СПб. с. 54–58.

Сорокин 2008а – Сорокин П.Е. Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца / Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М. с. 519–522.

Сорокин и др. 2009 – Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М.,

Глыбин В.А., Попов С.Г., Семенов С.А. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты / Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб., 2009. с.188–203.

Сорокин 2013 – Сорокин П.Е. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения / Археология и история Пскова и Псковской земли. Заседание №58 г. Псков. с. 271–279.

Sorokin 2013 – Sorokin P. Monuments of the Okhta cape. Real and virtual archaeology / Виртуальная археология. Материалы первой международной конференции. СПб. с. 133–139.

Kulkova & all 2012 – Kulkova M., Gusentsova T., Nesterov E., Sorokin P., Sapelko T. Chronology of neolithic-early metalage sites at the mouth of Okhta river (St.Petersburg). *Radiocarbon*.

Кулькова и др. 2010 – Кулькова М.А, Сапелко Т.В., Лудикова А.В, Кузнецов Д.Д., Субетто Д.А., Нестеров Е.М., Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Палеогеография и археология стоянок неолита – раннего металла в устье реки Охты (г. Санкт-Петербург)//Изв. РГО. Т. 142, Вып. 6. – С. 13–31.

Сорокин 2011 – Сорокин П.Е. Нужен ли Петербургу Археологический музей?/Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса Петровских городов. СПб. с. 136–144.

Сорокин 2011 – Сорокин П.Е. Археологические памятники Охтинского мыса. / Наука в России. № 3 (183) 2011 г. с.19–25.

Сорокин, Короткевич, Гукин 2011 – Сорокин П.Е., Короткевич Б.С., Гукин В.Д. Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтинском мысу/ Европейская Сарматия. СПб. с. 368–382

Сорокин, Гусенцова, Кулькова и др. 2011 – Сорокин П.Е., Гусенцова Т.М., Кулькова М.А., Желтова М.Н., Шаровская Т.А, Тарасов А. Результаты комплексного исследования материалов памятника эпох неолита-раннего метала Охта 1 в Санкт-Петербурге (раскопки 2008-2009 гг.). Труды III (XIX) Археологического съезда Новгород – Старая Русса. СПб. Т. 1. С. 134–136.

Sorokin 2012 – Sorokin P.E. «Archaeological excavations of Landscrona. A preliminary report». Castella Mare Baltici X. Финляндия 2009, Saarijarvi: 173-182.

Сорокин 2010 – Сорокин П.Е. Крепость Ниеншанц. Некоторые итоги историко-археологического изучения / Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том. II. СПб. с. 361–378.

Сорокин, Тарабардина 2012 – Сорокин П.Е., Тарабардина О.А. «Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга». Новгород и Новгородская земля, история и археология. вып. Новгород. с. 84–92.

Гусенцова, Сорокин 2011 – Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Охта 1 – первый памятник эпохи неолита и раннего металла в центральной части Петербурга./ Российский археологический ежегодник вып. 1. СПб. с. 421–451

Сорокин 2012 – Сорокин П.Е. О перспективах сохранения Ниеншанца как ландшафтного археологического памятника» / Клио. №1 (61). – с. 94–98.

Сорокин и др. 2013 – Сорокин П.Е., Андреева О.В., Иванова А.В., Лазаретова Н.И. Археологические исследования Охтинского некрополя. Stratum plus №5 2013, Под знаком Рюриковечей. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. с. 103–113.

Сорокин 2012а – Сорокин П.Е. О сохранении Ниеншанца/ Скандинавские чтения 2011 г. СПб. 2012. с.89-101.

Гусенцова и др. 2012 – Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е., Кулькова М.А. К результатам комплексных исследований памятника Охта 1 в центре Санкт-Петербурга (2008–2009). Неолит-ранний металл. КСИА РАН.

Тимченко-Рубан 1901 – Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб.

Шаскольский 1987 – Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.

Шаскольский 1987а – Шаскольский И.П. О судьбе архивных материалов города Ниеншанца. Вспомогательные исторические дисциплины. XVIII, Л.

Шаскольский 1993 – Шаскольский И.П. Старейшее известие о русском торговом селении на территории будущего Петербурга (начало XVII в.) / Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., с.42-45.

Якубов 1890 – Якубов К.И. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива / Чтения в обществе истории и древностей российских. кн.4. М. с. 39–78.

Bonsdorff 1891 – Bonsdorff C. Nyen och Nyenskans. Helsingfors.

Saarnisto, Grönlund 1996 – Saarnisto, M., Grönlund, T. Shoreline displacement of Lake Ladoga – new data from Kilpolansaari. *Hydrobiologia* 322, p. 205–215.

P.E. Sorokin

CULTURAL AND HISTORICAL STRATIGRAPHY OF THE OKHTINSKY CAPE

The large-scale excavations were undertaken in 2006–2009 by the St. Petersburg Archeological Expedition in connection with the plans of constructing of the Okhta public and business high-rise center there. Archeologists were surprised to find a monument under the factory buildings demolished, unique not only for Russia but also for the whole of North-Eastern Europe. In beddings up to 5 m thick cultural layers and objects were discovered, which were widely separated in time, namely, sites of the Neolithic and early metal age, the medieval hill fort on the Okhta Cape, the 13th century Landskrona fortress, a late medieval burial ground of Nevskoye Ustye, a Russian settlement of the 16th–17th centuries, and the 17th century Nyenschantz fortress. Each of them will be discussed below.

The cultural layers and findings of the Neolithic and early metal age (5th-2rd millennia B.C.) were revealed over the whole cape, where the Okhta meets the Neva. The first people settled there after retreat of the Littorina Sea. The studies of the central part of the Okhta Cape revealed traces of man's stay there in the Bronze age (particularly for the northwest 2000-1000 BC) and also in early Iron age (mainly in the middle of the 1st century BC – in the middle of the 1st century AD), which was proved by the remnants of bonfires and artifacts (800 BC–500 AD).

The initial fortification was situated in the northern and highest part of the cape. The excavations revealed a defensive ditch of about 80 m long, up to 3.5 m wide and around 2 m deep, which crossed the cape in the east-west direction between the Neva and the Okhta. It was followed by an earthen wall (it is partly preserved), which ceased its existence due to the seizure of this locality by the Swedes and construction of new fortifications by them.

The traces of Landskrona are found in an area of about 20000 m^2. The modern excavations allowed to establish the rectangular form of regular fortification surrounded by two lines of ditches of 11 m and 15 m wide. The fortress was constructed according to a uniform project, and it involved a regular layout. We studied the base of the burnt down fortress

tower in the western line of the fortifications. Some traces of the assault and destruction of Landskrona were found on the slope of the internal defensive ditch. They include burnt down parts of the fortress walls and arbalest bolts, arrow and spear heads.

The findings related to the said settlements of the 14th–16th centuries are represented by fragments of ceramic vessels made of white and red clay.A cemetery in the Neva estuary on the left bank of the Okhta river refers to the 16–17th century. In the course of excavations 216 burials were studied. It turned out that a part of them was destroyed or transferred when fortifications were constructed in the 17th century, and another part was damaged by modern engineering services and constructions.

The excavations revealed a section of Nyenschantz fortification ramparts, which was referred to the first half of the 17th century and consisted of three lines of turf layers. Besides, the parts of the timber construction, which had perished in fire, were studied in the center of which there was a destroyed stove made of limestone blocks, brick and glazed tiles. The preserved coins of the queen Kristina time, who was on the throne till 1654, prove that the construction was burnt down probably at the beginning of the Russo-Swedish war of 1656–1661. We revealed and studied sizable sections of fortress ramparts of the second half of the 17th century preserved there at a depth of about 4 m. Their internal slopes in the newly constructed fortress were lined with turf layers about 1.5 m wide protecting the slope from sliding. The round log paling preserved at a height of about 1.2 m was found within 3 m from the rampart wall.

The wooden platforms, used for delivering flanking fire, were near flanks (side faces) of two bastions at a height of about 1.5 m above the ditch bottom. Secret passages were revealed in places of contiguity of curtains to bastions, which served as staircases leading from bastions to ditches. They were used by the besiegers to go down, imperceptibly for an attacking party, to a wooden platform near a bastion flank and deliver fire along the paling line.

In the course of the Northern War 1703, corps of Russian troops started a siege of Nyenschantz defended by a garrison. After a mass bombing, which inflicted heavy losses on the fortress, the Swedes surrendered. The destruction of the fortress constructions during the assault is traced in different places. The evidence of those days is represented by bullets, canister shots, cannon balls, fragments of cast-

iron bombs, stretchers and wheelbarrows revealed at a ditch bottom and also inside the fortress.

The excavations revealed unique objects containing information on the historical layout and design of fortification structures of different periods. In line with the federal law on objects of cultural heritage, they should be preserved at a place of discovery. The archeological studies carried out on the Okhta Cape resulted in a new scientific information on the history of the Neva region and a valuable collection of artifacts related. It allows us to pose a question of creating an archeological museum in St. Petersburg.